

УДК 39+314(470.5)=(161.2)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ УКРАИНЦЕВ ЮЖНОГО УРАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.

Черниенко Д.А.

ФГБУН «Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук», Ижевск, Россия (426004, Ижевск, ул. Ломоносова, 4), e-mail: denis_chernienko@mail.ru

Рассматриваются некоторые исторические особенности формирования, изменения численности и современное положение украинского населения Южного Урала как одного из крупных национальных сообществ региона, которому присущи как общероссийские тенденции развития, так и локальные особенности этнокультурного развития. На основе статистического материала переписей населения и текущих данных проведен анализ наиболее важных факторов развития региональной диаспоры, основных этнодемографических показателей, причин трансформации украинского этнокультурного массива, обозначается проблема кризиса идентичности. Обращено внимание на зависимость этнических процессов от социально-политических и экономических процессов в постсоветский период. Сделаны выводы о слабости ресурсов для сохранения национальной самобытности, решающем значении изменения этничности для объяснения высоких темпов демографической убыли. В результате исследования спрогнозированы дальнейшие перспективы этноса, которые могут помочь в корректировке государственной национальной политики, поддержке национально-культурного движения.

Ключевые слова: ассимиляция, миграции, национальное самосознание, регион, трансформация, этничность, этнические процессы, этнодемография, этнокультурный анклав.

ETHNO-DEMOGRAPHIC SITUATION AND IDENTITY PROBLEMS OF UKRAINIANS OF SOUTH URAL IN THE SECOND HALF OF XX – THE BEGINNING OF XXI CENTURIES

Chernienko D.A.

Udmurt Institute of History, Language and Literature of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia (426004, Izhevsk, Lomonosov str., 4), e-mail: denis_chernienko@mail.ru

Some historical features of the formation, changes in the number and the current situation of the Ukrainian population of South Ural are considered as one of the major ethnic communities in the region, which is characterized as the development of the national all-Russian tendencies and local features of ethno-cultural development. On the basis of statistical material of population census and current data, the most important factors in the development of regional diaspora, the main ethno-demographic indicators, and transformation causes of Ukrainian ethno-cultural array are analyzed, the problem of identity crisis is denoted as well. Attention is paid to the dependence of ethnic processes on socio-political and economic processes in the post-Soviet period. Conclusions about the weakness of resources for the preservation of national originality and identity, the crucial meaning of ethnicity change to explain the high rate of population decline are made. As a result, the study predicts some future outlooks of the ethnic group, which can help in the proofreading of the state national policy and in the support of the national cultural movement.

Key words: assimilation, ethnical processes, ethnicity, ethnocultural enclave, ethnodemography, migrations, national identity, region, transformation.

Исторический опыт показывает, что массовые миграции народов обусловлены, как правило, причинами военной необходимости, хозяйственной колонизации, экологических изменений. История освоения юго-восточных окраин России, в том числе степной и лесостепной зон Южного Урала, в целом подчиняется данным закономерностям и показывает заметную роль украинцев в освоении региона в течение XVII–XX вв., что привело в итоге к формированию в границах современных Республики Башкортостан, Оренбургской и Челябинской областей одного из наиболее крупных этнокультурных сообществ в России. В настоящее время в качестве важного мотива переселенческой активности актуализируется политический фактор, который привел к новым мощным волнам миграции из Украины в

Россию. Характер, содержание и последствия этого миграционного этапа еще требуют пристального изучения, что может расставить дополнительные акценты в общей истории переселенчества и анализе современных этнодемографических процессов.

В новейшей литературе к изучению различных аспектов динамики численности и расселения украинцев в разных регионах России обращались В.Н. Кабузан (в контексте общей этнической истории), Д.Г. Коровушкин (Западная Сибирь), М.П. Крылов (Центральное Черноземье), В.Н. Ракачев (Кубань), С.Я. Суций (Юг России), В.А. Черномаз (Дальний Восток), И.И. Шульга (Нижнее Поволжье) и др. Историческим особенностям появления и закрепления украинцев на Южном Урале посвящены некоторые работы В.Я. Бабенко [2], А.Н. Молощенкова [1], но они почти не охватывают текущую ситуацию. В целом в общем массиве украиноведческих исследований этнодемографическая проблематика остается еще недостаточно изученной. В качестве источников привлечены материалы переписей населения 1959–2010 гг., а также расчеты автора, выполненные на основе данных источников.

Цель исследования – проанализировать динамику этнодемографических изменений в среде украинского населения Южного Урала в условиях социально-политических трансформаций России второй половины XX – начала XXI в.

Результат исследования. К середине XX в. завершается «аграрный» этап миграции, массово проходивший с конца XIX в. и к 1930-м гг. сформировавший обширный украинский этноязыковой анклав и характер расселения в регионе. В 1940–1950-е гг. важными факторами усиления миграционной активности и увеличения численности населения стали эвакуация в годы Великой Отечественной войны и реализация с 1954 г. государственной программы по освоению целинных и залежных земель Южного Урала и Северного Казахстана. В СССР происходил плановый набор переселенцев на рабочие специальности, на целину приезжали представители почти всех областей Украины. Поэтому перепись 1959 г., с одной стороны, зафиксировала наибольшую численность украинцев – 346470 чел. или 4,2 % населения [7], но, с другой стороны, с этого же времени начинается демографическая и социально-статусная трансформация украинского этнокультурного массива. Во-первых, это нашло отражение в системе расселения – с 1950-х гг. украинцы окончательно закрепляются в качестве преимущественно городского национального сообщества: если в 1926 г. доля городского населения среди украинцев составляла лишь 4,6 %, а в 1939 г. – 25,6 %, то в 1970 г. уже 67,7 %, в 1989 г. – 77,9 %. Именно в послевоенный период четко обозначилась общая «сетка» городских центров с заметным украинским присутствием, которая остается неизменной до настоящего времени: столицы и малые города. В Республике Башкортостан украинцы заселяют Уфу, Стерлитамак, Салават, Белебей, Кумертау, Октябрьский; в Оренбургской

области – Оренбург, Орск, Новотроицк, Соль-Илецк; в Челябинской области – Челябинск, Магнитогорск, Златоуст, Троицк, Еманжелинск.

Во-вторых, исходя из планового характера советской экономики и потребностей индустриализации, в социопрофессиональной структуре украинского населения начинают преобладать представители таких категорий, как промышленные рабочие, научно-техническая и творческая интеллигенция, работники силовых органов, сферы услуг и торговли, образования, культуры и др. Сосредотачиваясь в городской среде, украинцы оказались максимально сближены в социокультурном и профессиональном отношении с русским этническим большинством, что постепенно приводило к усилению ассимиляционных процессов. При этом старожильческое население, наиболее подвергнутое ассимиляции в преобладающей иноэтничной среде, отчасти замещалось внешним миграционным притоком из УССР. Поэтому, несмотря на небольшое снижение абсолютной численности и относительной доли в общем составе населения (таблица 1 [7; 8; 9; 10]), украинский этнос в 1950–1980-е гг. в общей этнической структуре региона занимал стабильное положение: в Оренбуржье – третье-четвертое место, в Челябинской области – четвертое, в Башкирии – шестое. Наиболее выраженные этнокультурные характеристики – самосознание и язык, несмотря на ассимиляционное давление, сохраняли свое значение.

Таблица 1. Численность украинцев и доля в общем составе населения Южного Урала в 1950–1980-е гг. (тыс. чел.)

Субъект	1959 (%)	1970 (%)	1979 (%)	1989 (%)
Башкирская АССР	83594 (2,5)	76005 (2,0)	75571 (2,0)	74990 (1,9)
Оренбургская область	128541 (7,0)	113064 (5,5)	104971 (5,0)	102017 (4,7)
Челябинская область	134335 (4,5)	115390 (3,5)	111910 (3,3)	109615 (3,0)
Всего по региону	346470 (4,2)	304459 (3,3)	292452 (3,1)	286622 (2,9)

Предпосылок для резкого изменения ситуации до конца 1980-х гг. не наблюдалось. Незначительная отрицательная динамика являлась следствием общего снижения рождаемости в военные и послевоенные годы, реэмиграцией в УССР, переселением в другие регионы РСФСР и СССР. Вместе с тем ускоряется и постепенный процесс изменения национального самосознания, среди основных причин которого – переезд значительной части населения из села в город в условиях дальнейшей индустриализации, а также успехи идеологии, ориентированной на создание наднациональной «советской» общности и, как следствие, снижение роли этнического фактора. В 1960–1970-е гг. в результате государственной политики оптимизации в сельской отрасли значительная часть «неперспективных» хозяйств и населенных пунктов исчезла, распространение получила практика «подселения» в

моноэтничные села и деревни новых жителей. В результате межэтнические и межкультурные контакты активизировались, значительно выросло количество межнациональных браков, что закономерно привело к необратимому изменению традиционного уклада жизни, сформированного еще в ходе первых волн переселения на рубеже XIX–XX вв. Указанные социально-экономические факторы в комплексе повлекли за собой утрату этнических особенностей культуры, народных традиций, языка. Например, в Башкортостане в настоящее время сел с относительно компактным украинским населением осталось не более 35, среди них уже нет мононациональных (для сравнения: в 1926 г. таких поселений было 529 поселений, 438 из них – мононациональные) [2, С. 98].

На рубеже 1980–1990-х гг. этнодемографические процессы в СССР оказались в прямой зависимости от радикальных экономических, социально-политических и мировоззренческих потрясений. Кризис и последующий распад СССР реализовали механизмы существенных трансформаций национальной структуры населения. К этому следует добавить такие важные факторы, как чувство потери единой страны, единого советского гражданства, ненужность дальнейшего сохранения «украинства» в независимой России, а также непростые взаимоотношения России и Украины в 1990–2000-е гг. Одним из наиболее заметных трендов в рамках этих трансформаций стало стремительное сокращение украинского населения во всех регионах России, в том числе на Южном Урале (таблица 2).

Таблица 2. Численность украинцев и доля в общем составе населения Южного Урала на рубеже XX–XXI вв. (тыс. чел.)

Субъект	1989 (%)	2002 (%)	2010 (%)
Республика Башкортостан	74990 (1,9)	55249 (1,3)	39875 (1,0)
Оренбургская область	102017 (4,7)	76921 (3,5)	49610 (2,4)
Челябинская область	109615 (3,0)	76994 (2,1)	50081 (1,4)
Всего по региону	286622 (2,9)	209164 (2,1)	139566 (1,4)

Уже за первое постсоветское десятилетие численность украинцев сократилась здесь почти на 1/3 (27 %), за первое десятилетие XXI в. – еще на 33 %, уменьшившись, таким образом, по сравнению с 1989 г., более чем в два раза (таблица 3). Данная тенденция распространялась на все субъекты региона, что подтверждает ее системный характер. С учетом разницы в длительности межпереписных периодов (с 1989 г. по 2002 г. – 13 лет, с 2002 г. по 2010 г. – 8 лет), темпы демографической убыли в 2000-е гг. еще больше ускорились [5; 6].

Таблица 3. Динамика сокращения численности украинского населения Южного Урала в абсолютном и относительном выражении (тыс. чел.)

Субъект	2002 к 1989 (%)	2010 к 2002 (%)	2010 к 1989 (%)
---------	-----------------	-----------------	-----------------

Республика Башкортостан	19741(26,3)	15649 (27,9)	35115 (46,8)
Оренбургская область	25096 (24,6)	27311 (35,6)	52407 (51,4)
Челябинская область	32621 (29,8)	26913 (35,0)	59534 (54,4)
Всего по региону	77458 (27,1)	69598 (33,3)	147056 (51,3)

Среди причин, предопределивших и закрепивших негативную этнодемографическую динамику, следует отметить: 1) естественную убыль населения, ускорившуюся в 1990–2000-е гг. вследствие общего ухудшения социально-экономической ситуации в стране; 2) прекращение миграционных потоков советского времени из Украины на Южный Урал (в переписях 2002 и 2010 гг. учтены именно украинцы – граждане России, а не трудовые мигранты из Украины постсоветского периода); 3) углубление ассимиляции, изменение самоопределения – отказ от национальной идентичности, переход значительной части украинцев в группу этнических «русских».

Демографическое «сжатие» при этом было неравномерным для различных возрастных групп украинского этнокультурного массива. Максимальные количественные потери в 1990–2000-е гг. понесли молодежь и население среднего трудоспособного возраста. Так, к 2010 г. доля возрастной группы от 20 до 59 лет не выросла, а, наоборот, снизилась только у трех народов России – украинцев, белорусов и евреев, соответственно вырос удельный вес старшей возрастной группы (от 60 лет). Как результат, возрастная структура этноса претерпела существенные изменения – наиболее представительными в численном отношении оказались самые возрастные генерации, украинцев стали относить к демографической группе, которую оценивают как «старость крайне высокого уровня» [4].

Данные структурные сдвиги существенно ускорили процесс этнического «растворения» украинцев южноуральского региона. С 2002 г. до 2010 г. доля молодежи (до 35 лет) сократилась здесь на 9 %, доля среднего возраста (35–59 лет) выросла на 3,3 % (за счет взросления молодой группы), в то время как доля пожилого населения (60 лет и старше) росла в два раза быстрее – на 6,1% и приблизилась к отметке в 40 % от всего местного украинского населения. Более быстрыми темпами стареет украинское население Челябинской области, меньшими – Башкортостана, но в целом «возрастной потенциал» народа постепенно исчерпывается. Когда через 30–45 лет в категорию пенсионеров начнут переходить современные молодые поколения, то их число окажется уже минимум в два раза меньше, чем количество нынешних пенсионеров, а в реальности ситуация будет еще сложнее за счет неизбежных естественных демографических потерь и продолжающегося отказа от своей этничности. На быстрое «старение» украинского регионального сообщества указывает и

показатель медианного возраста: если в 2002 г. он составлял 48,3 лет, то в 2010 г. уже 54,5, т.е. за 8 лет этот показатель вырос на 6 лет.

Еще одним важным демографическим показателем выступает гендерный фактор, в том числе соотношение численности мужского и женского населения. Материалы переписей 2002 и 2010 гг. дают возможность наблюдать нарастание возрастного дисбаланса – превосходство женщин над мужчинами в 2002 г. составляло 54 % на 46 %, в 2010 г. 55,7 % на 44,3 %, при этом пропорциональное соотношение мужчин и женщин, проживающих в городах и в сельской местности, оставалось почти равным и неизменным (70 % на 30 %). Наиболее быстрыми темпами сокращается мужское городское население (-37,3 %), меньшими – женское сельское (-29,0 %). Преобладание мужской компоненты или примерное численное равновесие полов считается показателем устойчивости любого этнокультурного сообщества в условиях миграций, успешности его интеграции в принимающую среду, и, наоборот, перевес женской компоненты является признаком демографического упадка народа, наступления кризисной стадии его развития. Например, сто лет назад, на рубеже XIX–XX вв., в период активной и успешной фазы заселения и освоения новых территорий Южного Урала, мужское и женское население соотносились как 51 % на 49 % соответственно (перепись 1897 г.). В настоящее время точки зрения общего собирательного демографического портрета украинцы Южного Урала за последние 20 лет дают устойчивую и все более распространенную картину – это женщины пожилого возраста (от 60 лет и выше), преимущественно горожанки. Доля данной категории в настоящее время наибольшая: в 2002 г. – 19,8 %, в 2010 г. – 24,0 %, т.е. приближается к четверти населения.

На основании сравнительного анализа материалов переписей населения, в том числе показателей медианного возраста, соотношения разных возрастных категорий и т.д., можно сделать некоторые предположения о демографических перспективах. Устойчивость текущих негативных процессов, отраженных в статистических результатах, позволяют спрогнозировать дальнейшее стремительное сокращение украинского этнического присутствия в регионе в течение XXI в. Среди наиболее важных факторов, определяющих динамику развития диаспоры, целесообразно принять во внимание, во-первых, способность самовоспроизводства (уровень рождаемости и смертности, продолжительность жизни); во-вторых, стабильность самосознания, этнической идентичности; в-третьих, устойчивость к ассимиляционным процессам, в том числе модели брачного поведения в иноэтничном окружении – доля и результаты межнациональных браков; в-четвертых, внешнее миграционное пополнение.

С учетом всех этих факторов современное положение украинского этнокультурного массива Южного Урала можно охарактеризовать как кризисное: 1) формальные демографические показатели низкие и продолжают необратимо снижаться; 2) идентичность, очевидно, уже не имеет внутреннего позитивного содержания, что приводит к ее трансформации в доминирующей и близкой по ряду черт русской среде с необратимой утратой национальной культуры и языка; 3) модели брачного поведения в иноэтничном окружении не способствуют устойчивости к ассимиляционным процессам, преобладающие русско-украинские браки в большинстве случаев изменяют национальную принадлежность у детей уже в первом поколении; 4) миграционные связи с Украиной сократились и почти прервались; активная трудовая миграция из Украины 1990–2010-х гг., численность которой точно не установлена и колеблется в диапазоне от 3,6 до 7 млн человек [3], на рассматриваемые процессы не оказывает существенного влияния, поскольку носит преимущественно срочный характер.

Массовый приезд вынужденных переселенцев из Восточной Украины в июне – сентябре 2014 г. в связи с военно-политическим кризисом может несколько изменить ситуацию. Только по официально установленным Правительством РФ в июле 2014 г. квотам три южноуральских региона в текущем году в совокупности должны принять не менее 8640 человек, а в реальности цифра окажется выше, поскольку количество прибывающих на территорию России в несколько раз превысило изначально предполагаемый контингент. Но в настоящее время последствия этой вынужденной миграционной активности неясны: во-первых, пока не зафиксирована национальная принадлежность переселенцев (скорее всего, среди них преобладают русские); во-вторых, каким образом и насколько быстро в новых условиях изменится национальная принадлежность переселенцев и их детей из числа этнических украинцев; в-третьих, какая часть из них останется в регионе на постоянное проживание? К этому следует добавить, что острая фаза российско-украинского противостояния, начавшаяся в 2013–2014 гг., с большой долей вероятности приведет к ускорению отказа от «плохой» национальности со стороны значительной части российских украинцев во всех без исключений регионах страны, что может уже показать следующая перепись населения в 2020 г.

Следовательно, внутренний демографический потенциал этноса оказывается недостаточным даже для простого сохранения этнической группы, а потенциальные факторы возрождения утраченной этничности, актуализации национальных особенностей почти отсутствуют. Впрочем, данная ситуация не сложилась исключительно на рубеже XX–XXI вв., указанные тенденции постепенно вызревали и проявляли себя, некоторое время в скрытом виде, в течение всей второй половины XX в., а глубинные причины

возможно отыскать в еще более ранний период. Кроме того, все отмеченные тенденции характерны не только для Южного Урала, но с разной степенью выражения являются общим трендом для российских украинцев.

Новые волны внешней миграции исправить сложившуюся ситуацию не в состоянии, поскольку, хотя украинцы и занимают одно из первых мест по количеству трудовых мигрантов в России, тем не менее Южный Урал не входит в сферу их территориальных приоритетов, где ведущие позиции занимают субъекты Крайнего Севера, Дальнего Востока, Тюменской области, наиболее привлекательные с точки зрения доступа к рынку труда и финансовым источникам. Обращает на себя внимание и тот факт, что в 1990–2000-е гг. процесс урбанизации прекратился и, даже наоборот, пошел на спад (доля городского населения в 2002 г. – 70,4 %, в 2010 г. – 69,1 %). Это можно объяснить тем, что ассимиляционные процессы в настоящее время в городской среде проходят намного интенсивнее, чем у сельских жителей – представителей старших поколений, которые, скорее всего, уже до конца жизни останутся верными своей национальности.

В ближайшие десятилетия процесс растворения украинского этнокультурного массива в доминирующей русской этноязыковой среде России и ее отдельных регионов будет продолжаться ускоренными темпами. Если сокращение украинского населения в регионе между переписями 2002 и 2010 гг. уже составило 33,3 %, то нет никаких оснований предполагать, что эта динамика изменится в лучшую сторону. Наоборот, ассимиляционные процессы продолжают углубляться, и демографические потери окажутся еще более ощутимыми. С учетом общей естественной убыли – ухода из жизни старших поколений, украинское население может сокращаться за каждое десятилетие как минимум на 35–40 %, достигнув к 2030 г. уже 50–70 % от уровня 2010 г. Однако и эта динамика не учитывает дополнительные факторы – добровольный отказ от этничности и прижизненную смену национальной принадлежности, а также результаты межэтнического брачного смешения, когда каждое следующее поколение становится все менее «украинским».

Весьма вероятно, что уже через следующий межпереписной цикл доля украинцев в населении южноуральского региона окажется менее 1,0 % в целом и по каждому из субъектов в частности. Даже в Оренбургской области (с нынешним показателем 2,4 %), поскольку темпы ассимиляции здесь наиболее высокие. Возможно, в худшую сторону изменятся позиции украинцев и в общей этнической структуре. Однако это будет зависеть и от разнонаправленных этнодемографических процессов у других народов региона. В Башкортостане, например, украинцы к планируемой переписи 2020 г. пока не потеряют шестое место, поскольку численность следующих за ними удмуртов и мордвы почти в два раза меньше и у них также наблюдаются неблагоприятные демографические изменения. В

Оренбургской же области украинцы, скорее всего, уступят четвертое место башкирам и мордве, а в Челябинской области такую же позицию – казахам.

Выводы. Итак, украинцы Южного Урала представляют собой самобытное региональное сообщество, которому присущи как общероссийские тенденции развития, так и локальные особенности. Среди общих черт можно отметить склонность к максимальной интеграции в доминирующее окружение, что находит непосредственное отражение в процессах численного сокращения народа, его старения, феминизации, росте этнически смешанного населения с неустойчивой этничностью. Но в отличие от других традиционных и относительно компактных украинских анклавов на территории России (Кубань, Нижнее Поволжье, Юго-Запад Сибири, Дальний Восток) курс на активные процессы ассимиляции и аккультурации на Южном Урале проявился значительно позже. Здесь украинцы, во-первых, избежали драматических последствий деукраинизации 1930-х гг. в силу менее активной фазы украинизации в 1920-е гг.; во-вторых, имеют более длительную фазу наращивания численного присутствия (вплоть до 1960-х гг.) и, как следствие, более позднюю фазу «идентификационного надлома»; в-третьих, большое значение в формировании местного сообщества имели результаты эвакуации в годы Великой Отечественной войны, а также индустриальные миграции середины и второй половины XX в.

Среди причин, обусловивших отрицательную популяционную динамику последних десятилетий, ни миграции, ни естественная убыль населения не имеют решающего значения, т.к. массовое перемещение из одних регионов России в другие или тем более отъезд в Украину не происходят, а негативные демографические показатели характерны не только для украинцев. Поэтому главной причиной является все же трансформация самосознания, которая происходит либо по убеждению, с действительным осознанием полной и окончательной утраты связи с этнокультурой своего народа, либо в форме этносоциальной мимикрии, когда отказ от прежней национальности происходит из каких-либо конъюнктурных соображений. Активная фаза демографического кризиса, предопределившая современные процессы, пришлась на 1990-е гг., с этого времени по мировоззренческим и социально-политическим причинам усугубилась и проблема идентичности украинцев России. Хотя следует также принять во внимание и то, что данные переписей нельзя считать безупречными и реально отражающими этническую картину в стране и регионах в силу ряда недостатков в проведении переписей, однако степень этой погрешности остается дискуссионным вопросом.

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РГНФ «Проблемы национальной идентичности в России и в Украине в условиях глобализации» № 13-21-02003.

Список литературы

1. Амелин В. В., Молощенков А. Н. Украинцы на Южном Урале. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2012. – 190 с.
2. Бабенко В. Я. Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. – Уфа: [Б.и.], 1992. – 260 с.
3. Белобородов И. И. Украина – Россия: миграционное взаимодействие // Интернет-журнал «Демографические исследования». № 15. – URL: <http://demographia.net/ukraina-rossiya-migracionnoe-vzaimodeystvie> (дата обращения 12.10.2014).
4. Богоявленский Д. Д. Перепись 2010: этнический срез // Перспективы: Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. 28/04/2013. – URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/perepis_2010_etnicheskij_srez_2013-04-28.htm (дата обращения 14.10.2014).
5. Всероссийская перепись населения 2002 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения 18.09.2014).
6. Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 18.09.2014).
7. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Нац. состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php (дата обращения 14.09.2014).
8. Всесоюзная перепись населения 1970 г. Нац. состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php (дата обращения 14.09.2014).
9. Всесоюзная перепись населения 1979 г. Нац. состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php (дата обращения 16.09.2014).
10. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Нац. состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (дата обращения 16.09.2014).

Рецензенты:

Загребин А.Е., д.и.н., профессор, директор ФГБУН «Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук», г. Ижевск;

Никитина Г.А., д.и.н., ведущий научный сотрудник ФГБУН «Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук», г. Ижевск.